

Как от Саши убежала Математика

Мама Женя

Мама Женя

Как от Саши убежала Математика

«Автор»

2026

Женя М.

Как от Саши убежала Математика / М. Женя — «Автор», 2026

Кто бы мог подумать, что можно потерять математику? Саша потеряла. Всё лето она играла в телефон с утра до вечера — и к концу августа цифры от неё убежали: календарь стал пустым, а часы — как пустая тарелка. Оказывается, Математика ушла в Страну Чисел! Вместе с карандашом Степаном и весёлым Нолём Саша отправляется в путь, чтобы вернуть её: перейдёт мост из десяти камней, перехитрит господина Скролла, владыку Бесконечной Ленты, — и поймёт, что математика не скучный урок, а приключение, в которое играет весь мир. Тёплая сказка для тех, кому шесть и старше, — о внимании, дружбе и о том, как важно успевать.

© Женя М., 2026

© Автор, 2026

Мама Женя

Как от Саши убежала Математика

КАК ОТ САШИ УБЕЖАЛА МАТЕМАТИКА

Сказочная повесть в двадцати главах. Для чтения вслух и самостоятельного.

Посвящается всем, кто хоть раз терял что-то важное. Даже если это была математика.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Саша — девяти лет от роду. Глаза зелёные, как крыжовниковое варенье на солнце, волосы светлые и длинные. До недавних пор — чемпионка дачного посёлка по игре

«Сладкие три в ряд».

Мама — добрая, но бдительная. Знает сто способов приготовить кашу и один способ заставить её съесть.

Папа — инженер. Считает, что любую задачу можно решить, если сначала её нарисовать.

Бабушка Зина — главная по помидорам в посёлке «Сосновка». Считает двойками и пятками быстрее всякого калькулятора.

Тимка — сосед семи лет, Сашин «хвост» и будущий первоклассник.

Карандаш Степан — простой карандаш, заточенный с двух концов. Верный спутник Саши с первого класса.

Ноль — круглый, весёлый, обижается, что его считают «ничем».

Цифры от Один до Девяти — жители Страны Чисел.

Плюс, Минус, Равно и Знак Умножения — знаки с характером.

Крокодил Кузя — живёт в Долине Сравнения,

открывает пасть туда, где больше.

Королева Математика — хозяйка всех точных наук.

Господин Скролл — владыка Бесконечной Ленты. Очень голодный до чужого внимания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается, как выглядит лето, если смотреть на него через экран

Саше было девять лет. Если точнее — девять с половиной, но Саша предпочитала округлять: «Мне уже почти десять».

У Саши были зелёные глаза — такого цвета, какого бывает крыжовниковое варенье, если поднять банку к солнцу, — и длинные светлые волосы. Такие длинные, что папа

однажды торжественно поклялся привязать к ним воздушного змея, а мама каждое утро заплетала их в косу до пояса, и коса шуршала, как берёзовая ветка.

Если бы зимой Сашу спросили, что она любит больше всего на свете, она бы подумала и честно ответила: «Лето». А когда лето наступало, Саша больше всего на свете любила... телефон.

Началось всё безобидно. В июне три дня лил дождь, и мама, чтобы Саша не скучала и не пересчитывала капли на подоконнике вслух, разрешила «чуть-чуть поиграть». «Чуть-чуть» растянулось на весь дождь, потом на весь июнь, а потом незаметно переехало в июль и там прописалось, как на собственной даче.

Игра называлась «Сладкие три в ряд». В ней нужно было выстраивать конфеты в ряды по три штуки: клубничку к клубничке, лимонку к

лимонке. Казалось бы — пустяк. Но на деле это было дело чрезвычайной важности: если не успеть собрать ряды, конфеты «зачерствели», и уровень сгорал, как настоящий пирог в духовке.

К середине июля Саша стала чемпионкой посёлка «Сосновка» по выстраиванию конфет. К августу — чемпионкой автобусной остановки. А к концу августа она выстраивала ряды так быстро, что пальцы её стучали по экрану, как дождь по подоконнику: тук-тук-тук, тук-тук-тук.

— Саша, идём смотреть, как божьи коровки улетают! — звал с крыльца сосед Тимка и показывал жука-оленья, которого тащил в ладонях, как драгоценность.

— Угу, — отвечала Саша, не поднимая головы. Жук-олень был, конечно, хорош. Но у Саши как раз горел уровень, а на уровне горело

всё: и конфеты, и терпение.

— Саша, помоги посчитать банки с вареньем, — просила бабушка Зина, выставляя на стол рыжие от абрикосов банки. — Мне нужно двенадцать, а я сбилась.

— Сейчас, баб, — отвечала Саша и считала, тыча пальцем в стекло: — Один... два... три... шесть?

Бабушка поднимала брови так высоко, что они прятались под платок.

— Шесть? — переспрашивала она. — Саш, ты чего? Три банки-то всего и было после шести!

— Ай, баб, ну чего ты, — отмахивалась Саша, и палец её уже сам собой тянулся к телефону, потому что телефон тихо звякнул: там началась ежедневная раздача карамелек.

Папа по вечерам предлагал настольную «ходилку» с кубиками.

— Потом, пап, — говорила Саша. — У меня турнир.
— Турнир по чему? — интересовался папа.
— По всему, — туманно отвечала Саша и уходила в угол дивана, где у неё было устроено гнездо из подушек.

Мама сначала смеялась, потом вздыхала, а потом сказала фразу, которая Саше не понравилась:

— Доча, мозг — как сад. Что поливашь, то и растёт. Ты сейчас поливаешь одни конфеты. Вырастет конфетная роща, а не сад.

— Мам, ну это же игра, — заныла Саша. — Я отдыхаю.

— Отдых, — сказала мама, — это когда после него легко. А после твоего отдыха ты ходишь, как сонная муха.

Саша хотела возразить, но не успела: телефон звякнул, и возразить стало некогда.

А лето между тем таяло. Июнь кончился, как будто его и не было. Июль прошмыгнул мимо, шурша фантиками. Август начал каплять дождями по крыше, и однажды утром Саша вдруг поймала себя на странной мысли: лето прошло мимо неё, как конфета сквозь зубы. Только развернула — и нет.

Она посмотрела в окно. По стеклу ползла капля. Саша хотела посчитать, сколько капель упадёт за минуту, и вдруг... сбилась. На четвёртой. Или на пятой? Она нахмурилась, начала сначала — и снова запуталась где-то между «три» и «дальше».

«Подумаешь, — сказала она себе. — Просто устала. Это от турнира».

И она снова уткнулась в экран, и экран осветил её зелёные глаза двумя маленькими

карамельками.

А ночью, когда весь дом спал, на стене тихо-тихо зашуршал отрывной календарь. Цифра 25, стоя на лесенке из скрепки, передавала вниз крошечный чемоданчик.

— Всё собрала? — шёпотом спросила цифра 26.

— Всё, — ответила 25. — Пора. Нас тут больше никто не зовёт.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой часы становятся похожи на пустую тарелку, а это очень тревожно

Утром двадцать четвёртого августа Саша проснулась от тишины. Не от обычной тишины, когда все ещё спят, а от какой-то другой — гладкой, как будто из мира вынули все звуки с

цифрами: будильник не тикал, микроволновка не показывала время, даже чайник свистел как-то без номера.

Саша потёрла глаза и посмотрела на календарь.

Календарь был пуст. То есть листик был, верёвочка была, скрепка была, а вот цифры — исчезли. Вместо «24» белел чистый квадратик, такой чистый, что Саше стало щекотно.

— Мам! — крикнула Саша, сбивая тапки. — Мам, у календаря цифры пропали!

Мама вошла на кухню, где Саша тыкала пальцем в пустой листик.

— Пропали? — мама посмотрела на календарь. — Саш, там написано «двадцать четвёртое августа». Вот, смотри.

— Где написано?!

— Вот же. — Мама постучала ногтем по листику. — Ты что, со сна? Иди умывайся.

Саша посмотрела туда, куда стучала мама. Квадратик был пуст. Совершенно. Как снег

до первого следа.

Тогда Саша побежала к часам. Часы висели на стене круглые и весёлые, с красными стрелками. Но циферблат их стал похож на пустую тарелку после супа: ни единички, ни пятёрки, ни даже вредной четвёрки, которая вечно пряталась за стрелкой.

— Пап! — завопила Саша. — У часов цифры съели!

Папа вышел с отвёрткой, посмотрел на часы, потом на Сашу, потом снова на часы.

— Часы как часы, — сказал он осторожно. — Стрелки идут. Половина девятого. Саш, ты сегодня какая-то... игровая. Это не новая игра такая?

Саша не ответила. Она схватила со стола линейку — линейка была гладкая, как лыжа. Она раскрыла пенал — на карандашах не

было номеров мягкости. Она даже заглянула в мамину поваренную книгу — рецепты были, а вот номеров страниц не было!

Тогда Саша сделала последнее, что могла сделать человек в её положении: она достала из буфета вазочку с драже и решила посчитать конфеты.

— Один, — сказала Саша, откладывая первую конфету. — Два. Три...

Третья конфета была шоколадная, Саша на неё засмотрелась, и четвёртая конфета, воспользовавшись этим, пролезла в счёт дважды.

— ...Пять? — неуверенно закончила Саша. В вазочке осталось ещё полно драже, а в голове у неё было пусто и гулко, как в барабане.

Саша села на пол прямо посреди кухни, обняла колени и впервые за всё лето

почувствовала, что ей совсем-совсем не хочется играть.

Она открыла игру. На экране, где всегда гордо светился её счёт — «1 250 340 карамелек», — теперь мигало обиженное: «ОШИБКА. НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ». Конфеты на поле стояли без номеров уровней, и игра не понимала, куда их складывать. Конфеты смущённо толкались. Одна лимонка посмотрела на Сашу с укором и растаяла.

— Даже ты, — прошептала Саша. — Даже ты без цифр не работаешь.

Днём она пошла к бабушке. Бабушка Зина перебирала помидоры в ящиках и выслушала Сашу без удивления. Только руки её перестали шелестеть ботвой.

— Значит, говоришь, цифры от тебя убежали, — сказала бабушка и поворошила помидорную ботву. — И посчитать не можешь.

— Не могу, баб, — честно призналась Саша. Зелёные глаза её были круглые и несчастные. — Я что, сломалась?

Бабушка Зина сняла платок, поворошила седые волосы и вздохнула — тепло так, домашнему.

— Не сломалась ты, Саш. От тебя математика убежала.

— Математика?! — Саша даже привстала. — Разве она живая?

— А то, — сказала бабушка. — Математика — она как кошка. Если её не звать, не гладить, не кормить задачками, она собирает свои счётные косточки и уходит к хорошим людям. Я вон в твоём возрасте месяц читала одни сказки про драконов и ни одной

задачки не решила — так у меня таблица умножения сбежала и неделю у тётки Веры прожила. Пришлось выманивать пряниками и примерами.

— И что делать? — голос Саши дрогнул. — Мне же первого сентября в школу! Мне в третий класс! Я же там... я же там буду как...

Саша не договорила. Слово «двоечница» она произносить не стала, потому что оно было колючее, как ёж.

— Делать вот что, — сказала бабушка и подняла палец. — Идти и договариваться. Где живёт твоя математика — туда и идти. Дорогу она тебе сама подскажет, если захочет вернуться. А захочет она, Саш, только в одном случае: если поймёт, что она тебе не для оценок нужна, а по-настоящему.

— А если не поймёт?

— Тогда, — бабушка хитро прищурилась, — придётся доказать. Математика уважает

доказательства. Это у неё в характере.

Вечером Саша долго сидела на подоконнике. Телефон лежал рядом и поманивал: «Звяк! Ежедневная карамелька! Звяк!» Но Саша впервые за всё лето взяла телефон и положила его на полку. Экраном вниз.

— До утра, — сказала она. И получилось так тихо и так серьёзно, что даже комар за окном перестал звенеть.

Ночью в пенале зашевелилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой из пенала является карандаш, заточенный с двух концов, и объясняет правила игры

Шурх. Шурх. Тук.

Саша приподнялась с подушки. В лунном свете пенал стоял открытый, и из него, кряхтя, как старый трубочист, выбирался карандаш.

Это был Степан. Тот самый простой карандаш, сине-полосатый, которым Саша в первом классе выводила свои первые палочки. Степан был заточен с двух концов — Саша в детстве точила его сама и, как честный человек, точила с обеих сторон, чтобы «не обижать». От этого Степан стал похож на маленького рыцаря с двумя копьями: куда ни ткни — везде он.

— Ну, растеряша, здравствуй, — сказал Степан баском, отряхивая грифельную пыль. — Дождались. Математика ушла, цифры разбежались, а я, старый, дожил до позора: хозяйка в девять лет трёх помидоров сосчитать не может.

— Степан?! — ахнула Саша. — Ты разговариваешь?!

— Я-то всегда разговаривал, — обиделся карандаш. — Это ты не слушала. Ты меня

вообще последний раз в руки брала, когда телефон под диван закатился, им и доставала. Обидно, между прочим. Я — пишущий инструмент, а не швабра.

Степан прошёлся по столу, как по трибуне, и остановился, уперев руки-грифельки в бока.

— Слушай правила, растеряша. Математика твоя ушла в Страну Чисел. Это далеко: за Рекой Забвения, через девять земель-испытаний. Каждое испытание — это то, что ты за лето забыла: счёт, сложение, вычитание, сравнение, фигуры, время, умножение, задачи и... девятое сама узнаешь, девятое — самое трудное. Пройдёшь все девять — математика вернётся. Не пройдёшь — останешься до старости считать на пальцах, да и пальцы, боюсь, разбегутся.

— А это... страшно? — спросила Саша.
— Страшно только первые десять раз, — успокоил Степан. — А у тебя попыток девять.
Так что некогда бояться-то!

И тут из пенала выкатилось нечто круглое, розовощёкое и чрезвычайно довольное собой.

— А меня! А меня возьмите! — затараторило нечто, подпрыгивая, как мячик. — Я Ноль! Я маленький, я круглый, я в хозяйстве пригожусь!

— Ноль? — удивилась Саша. — А зачем ты нам?

— Как зачем?! — возмутился Ноль, надуваясь. — Сам по себе я, конечно, ничего. Зато рядом с другом я — десять! Рядом с двумя друзьями — двадцать! Я — усилитель! Я — как восклицательный знак, только скромнее!

Степан махнул грифельком:

— Ладно, катись с нами. Всё равно ты от волнения из пенала выпрыгнул, обратно тебя не загонишь.

Карандаш подошёл к краю Сашиного школьного блокнота, оставленного на столе с весны, и начал рисовать. Он рисовал дверь. Простую, прямоугольную, с круглой ручкой. И по мере того как он рисовал, дверь становилась настоящей: из-под грифеля пополз тёплый свет, пахнувший стружкой и мелом, как в первом классе.

— За мной, — скомандовал Степан. — И не оглядывайся на телефон. Оглянешься — дверь закроется.

Саша посмотрела на полку, где лежал телефон экраном вниз. Телефон тихонько звякнул, как будто почувствовал. Саша

сглотнула, спрыгнула с кровати и шагнула в нарисованную дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой Саша попадает в Страну Чисел и учится самому первому счёту

Страна Чисел начиналась сразу и везде. Небо над ней было в мелкую клеточку, как тетрадный лист, и по клеточкам важно ходили облака, мягкие, как вата, которой стирают ошибки. Дорога была размечена, как линейка, и каждый шаг Саши отмечался весёлым «чик!», как будто кто-то невидимый ставил за неё галочки.

— Ой, — сказала Саша, — а красиво.

— То ли ещё будет, — буркнул Степан. — Вон, встречаются.

Навстречу по дороге шагали двое. Первая была тонкая и прямая, как спица, в кепочке, сдвинутой набок, — это была Единица. Вторая изгибалась лебединой шеей и носила бантик — это была Двойка. Обе выглядели встревоженными.

— Это она! — закричала Двойка. — Та самая растеряша!

— Я не растеряша, — обиделась Саша. — Я Саша.

— Одно и то же, — махнула кепочкой Единица. — Слушай, Саша. Математика заперлась во Дворце Наук и грустит. Она сказала: вернись к той, кто пройдёт девять испытаний. Первое — вон там.

И она показала тонкой рукой-спицей на речку. Речка была неширокая, но вода в ней текла странная: мутная, сонная, и в ней

плавали обрывки забытого: «сколько будет два плюс два...», «какое сегодня число...», «на каком я уровне...».

— Река Забвения, — пояснил Степан. — Мост через неё — из камней-следовиков. Пройдёшь по ним и сосчитаешь вслух, не собьёшься — мост пустит. Собьёшься — камни разойдутся, и начнёшь сначала. Счёт простой: от одного до десяти.

— От одного до десяти! — фыркнула Саша. — Да я это в три года умела!

Она ступила на первый камень.

— Один! — сказала Саша. Камень под ногой тёпло засветился.

— Два! — свет зажёгся на втором.

— Три! Четыре!..

На пятом камне Саша заспешила. Она всегда спешила — так же, как в игре, где конфеты
не

любят медленных.

— Пять! Семь! — выпалила она.

И мост под ней вздохнул. Камни начали тихо разъезжаться, как льдины весной.

— Стой! — крикнул Степан. — Не спеши! Счёт не любит спешки, счёт любит пальцы и голос! Трогай каждый камень ногой и называй его голосом. Громче!

Саша вернулась на берег (камни милосердно собрались обратно — испытание есть испытание, но не наказание). Она вспомнила, как учила мама, когда всё идёт не так, и ступила снова.

— Один, — сказала она, ставя ногу и глядя на камень. — Два. Три. Четыре. Пять.

Ноль катился рядом по берегу и подбадривал:

— Ты можешь! Я верю! Я вообще ничто, но я верю!

— Шесть. Семь. Восемь.

Голос Саши креп. Камни светились один за другим, как фонарики на ёлке.
— Девять. Десять!

Мост вспыхнул весь, от берега до берега, и над Рекой Забвения поднялся лёгкий звон, как будто где-то далеко-далеко кто-то щёлкнул костяшками старых добрых счётов.

И тут Саша почувствовала в груди тёплую искорку. Маленькую, как уголёк из костра. Вместе с искоркой она вдруг вспомнила: первый класс, зелёная доска, и она, шестилетняя, выводит мелом свою первую семёрку с перекладинкой, и учительница говорит: «Вот это семёрка! Это семёрка-чемпионка!» Саша улыбнулась так широко, что веснушки её — а у рыжеватых в веснушках всегда летом прибавление — запрыгали.

— Получилось, — сказала она.

— Первое из девяти, — напомнил Степан, но в голосе его звучала гордость.

Единица и Двойка подбежали к ней и торжественно вручили подарок: ниточку с десятью бусинами.

— Это счётное ожерелье, — объяснила Двойка. — Каждая бусина — десяток. Потеряешь счёт — перебирай бусины, они напомнят.

— Спасибо, — Саша надела ожерелье поверх пижамы, и оно тут же перестало быть пижамным, а стало походным.

Но тут из кустов за рекой донёсся шорох. Длинный, липкий шорох ползущей ленты. И тихое: «дзынь! дзынь!»

— Что это? — насторожилась Саша.

Степан нахмурился так, что грифель его стал почти чёрным.

— Это уведомляшки. Глаза и уши господина

Скролла. Значит, он уже знает, что ты здесь. Значит, будет мешать. Значит, идём быстро.

— А кто такой этот Скролл? — спросила Саша, шагая по светящемуся мосту.

— Тот, из-за кого твоя математика и убежала, — мрачно сказал Степан. — Владыка Бесконечной Ленты. Он кормится вниманием. Чьё внимание поймает — того и время ест. Твоё лето, Саш, он съел по минутке. Как драже из вазочки.

Саша вспомнила пустую вазочку, пустой календарь и своё «лето сквозь зубы». Ей стало так стыдно и так зло, что искорка в груди разгорелась чуть ярче.

— Ну и пусть мешает, — сказала она, поправляя косу. — Я уже одно испытание прошла. Осталось восемь. Пошли, Степан. Пошли, Ноль.

И они пошли по дороге-линейке дальше, а за спиной у них в кустах шуршала лента и капали в темноту маленькие назойливые «дзынь!».

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Саша попадает в Город Десятков и учится считать не по одному, а сразу много

За Рекой Забвения дорога-линейка раздвоилась, как язык у ящерицы, и обе половинки вели в разные стороны. На развилке стоял указатель, но надписи на нём были написаны цифрами, и Саша, прищурившись, прочла: «Налево — Город Десятков. Направо — Деревня Сложения. Прямо — не ходи, там лужа».

— Нам налево, — сказал Степан, сверившись

с блокнотом, который он вёл грифельком. — Второе испытание: счёт десятками. Ты, растеряша, за лето разучилась не только складывать, но и просто считать больше десяти.

— Неправда! — возмутилась Саша. — Я до ста считаю!

— Считай, — предложил Степан.

Саша набрала воздуху:

— Один, два, три... десять, одиннадцать, двенадцать... двадцать... тридцать... — тут она запнулась, потому что после двадцати в голове у неё образовалась пустота, как будто кто-то выключил свет. — ...двадцать... двадцать пять? Тридцать? Сорок?

— Сорок три, — подсказал Ноль.

— Ноль, не подсказывай, — строго сказал Степан. — Она сама.

Саша покраснела до корней светлых волос.

Ей стало стыдно, как в первом классе, когда она перепутала буквы «б» и «д» и написала «добрый» через «б». Но Степан ткнул грифельком вперёд:
— Идём. В Городе Десятков разберёшься.

Город Десятков вырос перед ними внезапно, как гриб после дождя. Это был удивительный город: дома в нём стояли не вразнобой, а строгими рядами, по десять штук в каждом ряду. И каждый дом был пронумерован не просто цифрой, а целым числом: 10, 20, 30, 40...

— Это десятки, — объяснила Единица, которая, оказывается, шла следом и не отставала. — Каждый дом — это десяток. В каждом доме живёт десять жильцов. Десять единиц — один десяток. Десять десятков — сотня. Поняла?

Саша кивнула, хотя не всё поняла. Но город сам начал объяснять.

На главной площади, вымощенной плиткой в клеточку, стоял фонтан. Из фонтана била вода, и каждая капля, падая, превращалась в цифру. Саша подошла ближе и увидела, что капли складываются в числа: 10, 20, 30...

— Это Счётный Фонтан, — сказала Двойка, подбегая. — Он считает за тебя, но только если ты скажешь, с чего начать. Скажи: «Считай десятками до ста!»

Саша сказала. Фонтан зажурчал:

— Десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто!

И на последней капле над фонтаном вспыхнула радуга из десяти цветов — по одному на каждый десяток.

— Красиво, — сказала Саша. — А причём тут моё испытание?
— А вот причём, — Степан указал на площадь.

На площади, вокруг фонтана, стояли жители Города Десятков. Они были похожи на маленькие человечков, но каждый из них был не один, а сразу десять. То есть у каждого жителя было десять рук, десять ног, десять глаз и десять улыбок. И все они смотрели на Сашу и ждали.

— Испытание такое, — сказала Единица. — В нашем городе сто жителей. Но сегодня утром Господин Скролл прислал своих уведомляшек, и они перепутали все таблички на домах. Теперь никто не знает, в каком доме какой десяток. Тебе нужно расставить таблички правильно. Считай десятками.

Саша посмотрела на дома. Их было десять рядов по десять домов. И на каждом доме — пустая табличка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.